

М. И. Мирошниченко

СОЗДАНИЕ СОВЕТОВ ПО БОРЬБЕ С ПРОСТИТУЦИЕЙ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГОДОВ: ЖЕНСКАЯ И МУЖСКАЯ ПОЗИЦИИ В ДИРЕКТИВАХ ЦЕНТРА И ПРАКТИКЕ МЕСТ (ПО МАТЕРИАЛАМ УРАЛА)

M. I. Miroshnichenko

ESTABLISHMENT OF PROSTITUTION FIGHTING BOARDS EARLY IN THE 1920S: FEMALE AND MALE POSITIONS IN CENTER AND LOCAL DIRECTIVES (ON THE BASIS OF URAL MATERIALS)

Дана характеристика 1923 г. как особого переходного этапа в борьбе с проституцией от действий, основанных на революционном самосознании, к действиям на основе революционного правосознания после введения Уголовным Кодексом РСФСР 1922 г. норм ответственности за содержание притонов, вербовку женщин и сводничество; показано создание советов по борьбе с проституцией при отделах народного здравоохранения с участием представителей профессиональных союзов и милиции вместо междуведомственных комиссий по борьбе с проституцией в различных регионах Урала (в Пермской, Екатеринбургской, Челябинской губерниях). Установлено, что совет по борьбе с проституцией в Перми был создан почти на три недели раньше (10 февраля 1923 г.), чем Петроградский губернский совет по борьбе с проституцией, который начал работать с 1 марта 1923 г. На основе сравнения положений центральных и местных директив на примере работы Пермского совета по борьбе с проституцией выявлены различия в представлениях мужчин и женщин в вопросе о мерах по преодолению проституции и предотвращению проституирования женщин в начале восстановительного периода. В заключении сделан вывод о том, что сложившаяся структура охватывала лишь губернский уровень, наблюдалась тенденция сузить деятельность в этом направлении до рамок одного из аспектов женской работы, велась острая борьба за рабочие места между полами, обусловленная конкуренцией в условиях высокого уровня безработицы на рынке труда.

Ключевые слова: гендерная история, история женщин Урала, проституция, совет по борьбе с проституцией, историческая феминология.

The article gives a characteristic of the year 1923 as a special transient stage in fighting prostitution from the actions based on revolutionary consciousness to the actions based on revolutionary legal consciousness after introducing in 1922 the norms of responsibility for keeping disorderly houses, women recruitment and procuration by the Criminal Code of the RSFSR; it shows the establishment of boards on fighting prostitution under the offices of public health with participation of the representatives of professional unions and police instead of joint committees on fighting prostitution in different Ural regions (Perm, Ekaterinburg and Chelyabinsk governments). It is stated that Perm board on fighting prostitutions was established practically three weeks earlier (February 10, 1923) than the Petrograd one which started its work on March 1, 1923. On the basis of comparison of central and local directives provisions on the example of Perm prostitution fighting board work there are discovered differences in male and female understandings of the question of prostitution preventive measures and women prostitution prevention at the beginning of the reconstruction period. In the end of the article the author makes a conclusion that the established structure covered just the governorate level, there was a tendency to make prostitution as the only aspect of women activity, there was a keen struggle for the working places between men and women, determined by the competition in the conditions of high unemployment level in the labour market.

Keywords: gender history, history of Uralian women, prostitution, prostitution fighting board, historical female studies.

Проблема проституции в России и распространение среди части государственных служащих и представителей общественности прогибационизма (запретительства), антиаболиционистских настроений делает актуальным обращение к опыту органи-

зованных государственных мероприятий по борьбе с проституцией в первые годы советской власти. 1923 г. занимает особое место в деятельности по преодолению проституции в нашей стране. Это время перехода от действий на основе революци-

онного самосознания к действиям, основанным на революционном правосознании в связи с введением Уголовным Кодексом РСФСР, который вошел в силу 1 июня 1922 г., норм ответственности за содержание притонов, вербовку женщин и сводничество. Изменялась также и институциональная среда. К весне 1922 г. прекратила свою работу Междумественная комиссия по борьбе с проституцией. На основе декабрьского 1922 г. циркуляра Народного Комиссариата здравоохранения «О мерах по борьбе с проституцией» и приказа Наркомздрава № 64 от 23 февраля 1923 г. вместо комиссий по борьбе с проституцией на местах следовало создавать советы по борьбе с проституцией. Был сформирован Центральный совет по борьбе с проституцией, в который входили помимо работников Народного комиссариата здравоохранения (Наркомздрава) представители профессиональных союзов и милиции¹.

В западной историографии с конца 1990-х гг. развернулась евро-американская феминистская дискуссия о проституции². В нашей стране в историческом аспекте эти проблемы получили освещение в основном с того же времени и лишь на материалах центрального и западного районов³. По Уральскому региону отчасти рассматривалась деятельность советов по борьбе с проституцией⁴, но проблемы их создания, столкновения мужской и женской позиций в этих вопросах в регионе не стала объектом специального исследования.

Относительно хороший урожай осени 1922 г. и развертывание восстановительных работ несколько снизили угрозу голода, что, казалось бы, должно было привести к сдерживанию проституции. Однако отказ от уравнительного распределения, закрытие многих предприятий при переходе на самофинансирование в условиях новой экономической политики, безработица и галопирующая инфляция 1922 г. выступили новыми существенными факторами ее роста. Считалось, что в коммунистическом обществе вместе с окончательным исчезновением частной собственности и угнетения женщины исчезнет и проституция⁵. Но переход к нэпу означал распространение рыночных отношений, а спрос на женское тело как вид товара был достаточно широк. По данным Л. Б. Лебиной, в 1923 г. к услугам проституток обращались 61% мужчин, трудившихся на фабриках и заводах⁶. Сосредоточение на вокзалах и в районе вокзалов множества мужчин, с одной стороны, и массы следующих по железной дороге бездомных женщин, девушек и девочек, с другой, также представляло питательную среду для проституции.

Внимание на местах к этой проблеме привлекалось в первую очередь в связи с борьбой с последствиями голода. Циркуляром Отдела работниц и крестьянок ЦК РКП(б) «Всем губженотделам» ставилась задача борьбы с проституцией, особенно сильно развившейся на почве безработицы и бродяжничества среди беженок, и оказания содействия в организации трудовой помощи, создании общежитий, трудовых коммун, кустарных артелей, помощи в отправке беженок на родину и др. (пункт 4); в состав Центральной и местных комиссий Последнего года вводился представитель отдела по работе

среди работниц и крестьянок (женотдела). Этот документ был получен в Екатеринбурге 2 января 1923 г.⁷. 6 января 1923 г. из ЦК РКП(б) в губернские комитеты РКП(б) была направлена телеграмма за подписью В. В. Куйбышева и С. Н. Смидович с просьбой на основе циркуляре Наркомздрава № 9846 «О мерах по борьбе с проституцией» оказать содействие в организации губернских советов по борьбе с проституцией и их работе, делегировать в их состав работника женотдела⁸. 10 февраля 1923 г. в Перми состоялось Совещание по организации Губернского совета по борьбе с проституцией при Пермском губернском отделе здравоохранения. В его работе участвовали представитель санитарно-эпидемиологического подотдела Мантуров, губернского управления милиции — Мазунин, губернского совета профессиональных союзов — Гордон, женотдела — Исаева, врачи-венерологи Шульц и Карамышев. При обсуждении первого вопроса «Об избрании ответственного секретаря при губернском Совете по борьбе с проституцией» была поддержана кандидатура Исаевой. Вторым вопросом был определен постоянный состав Совета, в него вошли все вышеперечисленные лица за исключением доктора Шульца. Был заслушан и обсужден циркуляр № 9846. В его пункте 1 в качестве «рекрутов проституции» назывались «неустойчиво экономические женщины» (не имевшие стабильного и достаточного для жизни дохода); «женщины-одиночки» (незамужние, разведенные, вдовы и т. п.); женщины, обремененные семьей (имевшие большое количество иждивенцев: детей, инвалидов-мужей, инвалидов-родителей, свекров, свекровей и др.); «бесприютные женщины» (не имевшие места проживания); говорилось о необходимости осторожного и внимательного отношения к ним. Принятое без изменений содержание этого пункта было решено довести до сведения месткомов и бирж труда с тем, чтобы включить его в их решения о своей работе. Первая часть второго пункта, содержавшая требование при каждом случае увольнения женщин создавать комиссию из представителей месткома и женотдела, также не претерпела изменений. Вторая часть, в которой говорилось о том, что при увольнении женщин следовало заранее обеспечить их будущее — найти им другой заработок, поместить в специальные дома-коммуны, женщин без трудовых навыков направить в профшколы технического образования, обеспечить в первое время содержание уволенных женщин за счет увольняющих учреждений, была принята с поправкой. Оговаривалось, что обеспечение уволенных женщин должно производиться из касс взаимопомощи за счет профессиональных союзов⁹. Увольняемые женщины, не являвшиеся членами профсоюза, социальную помощь не получали. Почему увольнение женщины было тесно связано с возможным ее проституированием? К работавшим женщинам относились, как правило, «одиночки», не имевшие других средств к существованию. И, что очень важно, их жилье было в основном ведомственным. Потеря работы приводила к выселению на улицу. В связи с этим было сделано весьма ценное добавление: просить губернский отдел коммунального хозяйства принять меры

к тому, чтобы безработные женщины не выселялись из квартир¹⁰. Пункт 3 предлагал организовывать женские производственные сельскохозяйственные и промышленные артели (с жильем, платой и благоприятным налогообложением), он был принят без изменений. Представителем от Совета по борьбе с проституцией в Бирже труда назначили Исаеву¹¹. Это было уже ее третье поручение.

Пункт 4 об устройстве общежитий, домов-коммун для безработных женщин и женщин-одиночек, прибывавших в незнакомые города для заработков и по другим причинам, возражений не вызвал. Пункт 5 об усилении заботы о беспризорных детях, открытии соответствующих домов-колоний, общежитий и т.п. был дополнен предложением его практической разработки для проведения в жизнь. Пункт 6 — он касался агитационно-просветительской работы (в печати, путем устной пропаганды — чтения лекций, докладов о значении борьбы с проституцией) среди молодежи, красноармейцев, работниц, в школах, клубах, профсоюзах, месткомах — был принят к сведению, задача его разработки возлагалась на женотдел¹². Пункт 7 о выработке обязательных постановлений против посредничества, пособничества, сводничества и притоносодержательства был встречен без изменений. По содержанию пункта 8 о необходимости строгого наблюдения за всеми кафе-ресторанами, ночлежными домами (притонами) представителя Управления милиции обязали сообщать Совету по борьбе с проституцией о результатах наблюдения и облав. Также без изменений был принят пункт 9 об организации бесплатного лечения посредством диспансеризации. Взвешенный подход был проявлен при обсуждении пункта 10, в котором для борьбы с профессиональными проститутками предлагалось ввести трудовые книжки для женщин и привлекать проституирующих женщин как дезертиров труда к ответственности на общем основании. Ввиду отмены трудовых книжек эту меру исключили. При обсуждении возник вопрос о степени распространения профессиональной проституции. Представителю Управления милиции было поручено выяснить, насколько развита проституция в губернии. Решение по пункту 11 (о помещении неспособных к труду женщин в инвалидные дома) оставили открытым. Стремление к уравниловке выявилось во время редактирования пункта 12, в котором в целях рационального использования женского труда предлагалось пересмотреть положение всех женщин-работниц, находившихся на службе. Профсоюзным организациям предписывалось не допускать сверхурочных работ женщин, находившихся на службе в данном учреждении, но нанимать для этого других нуждавшихся безработных женщин¹³.

В пункте 13 циркуляра рекомендовалось «создание среди молодежи организации, спаянной соответствующим уставом на основе коммунистического воспитания равенства полов и вопросов новой морали, которая ставила бы своей задачей пропаганду элементарных правил гигиены в половом отношении и борьбу с проституцией, как преступлением, путем раскрытия отдельных проявлений и против товарищества и солидарности и на свой товарищеский суд и клеймилось товарищеским осуждением

и порицания путем распространения чистых товарищеских равноправных взаимоотношений, путем дисциплины»¹⁴. Эта путано выраженная мысль являла собой явный «левацкий загиб», в подоплеке которого — эклектическая смесь прогибиционизма и представлений о «новой женщине», идей «новой морали», влияние феминизма и следы борьбы с теорией «стакана воды». И хотя подобная оценка в то время дана не была, но предложение и не было одобрено. Представителю женотдела совместно с заведующим санитарно-эпидемиологическим подотделом поручалось проработать этот пункт, а также «в дискуссионном научном порядке выявить вопрос о половом взаимоотношении с тем, чтобы можно было ввести по этому вопросу преподавание в школе 2 ступени, на рабфаке, в совпартшколе»¹⁵. На заседании также был заслушан доклад доктора Мантурова «О причинах, задачах и мерах по борьбе с проституцией», поставлена задача создания советов по борьбе с проституцией в Сарапуле, Кунгуре, Осе¹⁶. В дальнейшем созданный на совещании 10 февраля 1923 г орган назывался в Перми Советом по борьбе с проституцией, женской безработицей¹⁷.

17 февраля 1923 г. состоялось второе заседание Пермского губернского совета по борьбе с проституцией. Представителя от женотдела (Исаевой или кого-нибудь другого) на нем не было. В повестку дня входили снятый без объяснения причин доклад представителя губернского Управления милиции Мазунина о мерах по борьбе с проституцией, доклад заведующего кожно-венерологическим диспансером Шульца. Предложенный на прошлом заседании проект собственного постановления обсуждался вновь, в него был внесен ряд изменений. Так, в первую часть второго пункта добавили: провести через губернский совет профессиональных союзов положение о непосредственной связи месткомов с губернным Советом по борьбе с проституцией с тем, чтобы при каждом увольнении женщин не только создавались комиссии из представителей месткома и женотдела, но и при рассмотрении претензий увольняемых присутствовали введенные в него представители от месткомов¹⁸. Формулировку второй части пункта 2 — об обеспечении будущего увольняемых женщин — дополнили словами «в порядке существующего пролетарского законодательства», и вместо конкретного действенного «подыскания другого заработка» вставили кардинально меняющее смысл неопределенное «оказание всемерного содействия к подысканию другого заработка». Небольшое изменение в пункте 3 было связано с предложением женотделу сформировать из представительниц организаций, заинтересованных в создании женских сельскохозяйственных и промышленных артелей, специальную комиссию. Ранее принятый без изменений пункт 4 (об устройстве общежитий, домов-коммун для безработных женщин и женщин-одиночек, прибывавших в незнакомые города для заработков или по другим причинам) теперь решено было оставить открытым — до информации от Исаевой. Пункт 5 также подвергся обсуждению. В ходе практической работы возник вопрос о судьбе девушек, выбывавших из приютов по возрасту, в связи с чем постановили на следующем заседании

заслушать представителя от губернского отдела социального воспитания «об обеспечении выпускаемых из приютов по достижении 16-летнего возраста девиц»¹⁹. Словом «девица» (с ударением на второй слог) обозначался в то время в документах официальный статус — незамужнее положение женщины.

К пункту 8 дополнено: просить административный отдел извещать губернский Совет по борьбе с проституцией о времени назначения всех облав по притонам с тем, чтобы его постоянный член мог присутствовать на местах облав для выяснения, «по каким причинам та или иная [женщина] ударилась в проституцию, не является ли она с чьей-то стороны объектом эксплуатации», для установления количества проституток, их возраста, социального положения и осведомления совета о результатах. Неопределенно обозначенная в пункте 9 сфера «бесплатного лечения посредством диспансеризации» была ограничена указанием на профиль диспансера — «по кожно-венерологическим болезням»²⁰.

Наибольшие разногласия вызвал пункт 12 по женской безработице. Перипетии вокруг редакции содержания этого пункта и принятое после обсуждения решение явно отражали интересы мужской части социума. В конечном итоге пункт 12 был соединен с первой частью пункта 1 в следующей редакции: «В целях предоставления работы нуждающимся безработным женщинам пересмотреть социально-экономическое положение всех женщин, состоящих на службе в предприятиях и учреждениях через посредничество месткомов, для чего просить т. Исаеву выработать анкету в таком виде, чтобы по заполнению ее месткомом могло быть обнаружено, в каких учреждениях и какие именно материально обеспеченные женщины состоят на службе, чтобы можно было их освободить от службы для предоставления их мест нуждающимся, и собранные по такой анкете сведения предоставить на рассмотрение губсовета по борьбе с проституцией»²¹. (Данная анкета была выработана и отношением № 826 разослана по местам 25 февраля 1924 г.²²). Позицию представителей Пермского губернского совета по борьбе с проституцией, выявившуюся при выработке постановления о борьбе с проституцией в 1923 г., можно оценить как прямое проявление мужского шовинизма, так как решение проблемы женской безработицы производилось во многом за счет самих женщин. Материальное положение одних женщин предлагалось сравнивать с материальным положением других женщин, но не мужчин, поскольку такое сравнение явно оказалось бы в пользу женщин и привело к существенному вытеснению мужчин с тех рабочих мест, занимать которые позволяли физические характеристики женского организма. Ведь уровень заработной платы женщин продолжал оставаться значительно ниже, чем у мужчин. Так были зафиксированы решения, прямо ущемлявшие интересы женщин.

При обсуждении доклада заведующего кожно-венерологическим диспансером был намечен ряд тезисов. Главной признавалась следующая задача — не допустить к занятию проституцией подрастаю-

щее поколение. В качестве источников проституции назывались женщины-безработные и те женщины, «которые не могут приспособиться ни к какому труду»²³. Особо отмечались меры в отношении старых проституток и тех женщин, которые заразились: в целях предупреждения возможности развития проституции они обеспечивались бесплатным лечением и содержанием во время лечения. Как отмечалось на совещании, опыт предоставления лечения и обеспечения во время лечения подтверждал, что проститутки охотно бросали свое занятие. Важной признавалась и роль просвещения, цель которого — дать ясное понимание о венерических заболеваниях, о безвредности воздержания. Таким образом, была предпринята нечастая в истории России попытка затронуть вопрос об истоках проституции, коренившихся в том числе в наличии спроса на женское тело со стороны мужской клиентуры. В то же время целесообразным было признано обследование всех предприятий и учреждений для выявления женщин, заболевших кожно-венерическими болезнями, и предоставление «жизненной возможности, чтобы женщины не могли заразиться»²⁴. Такая позиция отражала господствовавшие представления о женщинах как «исключительных виновницах» распространения проституции. Предложенная мера имела несколько утопичный характер, поскольку не предлагалось обследовать на предмет заражения всех мужчин (и в их числе реальных партнеров проституировавших женщин, заражавших — половым или бытовым способом — своих жен, дочерей, матерей и других родственниц по женской линии, любовниц, подруг и др.).

Следует отметить, что совет по борьбе с проституцией в Перми был создан почти на три недели раньше, чем в Петрограде. Петроградский губернский совет по борьбе с проституцией начал работать с 1 марта 1923 г.²⁵.

При создании губернских советов по борьбе с проституцией на Урале возникали и некоторые другие дискуссии. Так от членов Пермского губсовета по борьбе с проституцией на совещании 17 февраля 1923 г. при обсуждении доклада доктора Шульца поступило предложение «производить обследования состояния здоровья лиц, намеревающихся вступить в брак, с тем, чтобы от вступающих в брак требовались отделом ЗАГСа удостоверения врачей о состоянии здоровья жениха и невесты, что таковые не препятствуют к вступлению в брак, подобно тому, как раньше»²⁶. Возможно, это предложение объяснялось тем, что в практике судебных разбирательств вопрос, кто кого заразил — муж (сожитель) жену (сожительницу) или наоборот, являлся актуальным, и к врачам часто поступали запросы на предмет выяснения того обстоятельства, кто из супругов первым обратился по поводу лечения венерического заболевания.

Екатеринбургский губернский совет по борьбе с проституцией был организован в период до середины сентября 1923 г. 16—18 сентября 1923 г. в Екатеринбурге состоялось XII губернское совещание по работе среди женщин Екатеринбургской губернии. На нем в докладе Уфимцевой о работе Екатеринбургского губернского женотдела отмечалось, что

представитель женотдела введен в Совет по борьбе с проституцией²⁷.

Достаточно поздно, лишь в четвертом квартале 1923 г., был организован Совет по борьбе с проституцией в Челябинской губернии. На организационном заседании Челябинского губернского совета по борьбе с проституцией при челябинском губернском отделе здравоохранения присутствовала заведующая женотделом Торбакова²⁸, работавшая в качестве представителя женотдела в комиссии по борьбе с проституцией еще с июня 1921 г. Возможно, позднее создание совета по борьбе с проституцией в Челябинской губернии было связано с изменениями в административно-территориальном составе губернии в ходе районирования, завершившимися лишь к 3 ноября 1923 г.

Таким образом, организация Советов по борьбе с проституцией на Урале проходила неравномерно и выявила острое противостояние мужских и женских интересов, обусловленное, главным образом, конкуренцией в условиях высокой безработицы на рынке труда. Явственно наблюдалась тенденция переложить тяжесть деятельности по борьбе с проституцией, как одного из направлений работы среди женщин вообще, в основном на самих женщин.

Примечания

1. Игнатов А. Н. Проблемы правовой борьбы с проституцией // Проституция и преступность. — М. : Юридическая литература, 1991. — С. 143; Лебина Н. Б. Эра милосердия? Надежды и крах советской благотворительности // Родина. — 2010. — № 3. — С. 52; ОГАЧО. Ф. Р-11. Оп. 2. Д. 41. Л. 75.

2. O'Connell Davidson J. If no means no, does yes mean yes? Consenting to research Intinmacies // History of the Human Sciences. — 2008. — Vol. 21. — No 4. — P. 50 [Электронный ресурс]. — URL: // <http://hhs.sagepub.com/cgi/reprint/21/4/49> (дата обращения 13. 10. 2011)

3. Чирков, П. М. Решение женского вопроса в СССР (1917—1937 гг.). — М. : Мысль, 1978; Костенко Ю. А. Женское движение в России в 1920—1930-е гг. : дис. ...канд. ист. наук. — М. : МГУ, 2006; Лебина

Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920—1930 годы. — СПб. : Журнал «Нева» ; Летний Сад, 1999; Лебина Н. Б. Эра милосердия? Надежды и крах советской благотворительности — С. 53—56; Панин, С. Е. Борьба с проституцией в России в 1920-х годах // Вопросы истории. — 2004. — № 9 — С. 113—119.

4. Белов С. Л. Проституция в г. Тюмени (XVII в. — 1920-е гг.): постановка проблемы [Электронный ресурс]. — URL: http://www.liveinternet.ru/users/2807150/post93861404/#_edn32 (дата обращения 31 октября 2010); Сытник И. Г. Женский вопрос в политике государства и его решение на Южном Урале: 1918—1930 гг. : дис. ...канд. ист. наук. — Оренбург : ОГПУ, 2006. [Электронный ресурс]. — URL: <http://diss.rsl.ru/diss.aspx?orig=/07/0089/070089016.pdf> (дата обращения 13 сентября 2009 г.)

5. Бухарин, Н. И. Теория исторического материализма. — М. ; Пг. : Государственное изд-во, 1923. — С. 174.

6. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города. — С. 90.

7. ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 352. Л. 2.

8. ПермГАНИ. Ф. 557. Оп. 4. Д. 441. Л. 1; Сытник И. Г. Указ. соч. — С. 91.

9. ПермГАНИ. Ф. 557. Оп. 4. Д. 441. Л. 3.

10. Там же. — Л. 3.

11. Там же. — Л. 3 об.

12. Там же.

13. Там же. — Л. 3 об.—4.

14. Там же. — Л. 4.

15. Там же.

16. Там же.

17. Там же. — Л. 2.

18. Там же. — Л. 5.

19. Там же. — Л. 5—5 об.

20. Там же. — Л. 5 об.

21. Там же.

22. Там же.

23. Там же.

24. Там же. — Л. 6.

25. Лебина Н. Б. Эра милосердия? Надежды и крах советской благотворительности. — С. 52.

26. ПермГАНИ. Ф. 557. Оп. 4. Д. 441. Л. 6.

27. ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 50. Л. 9 об.

28. ОГАЧО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 37. Л. 6; Ф. Р-11. Оп. 2. Л. 41. Д. 75. Л. 75.

Поступила в редакцию 10 января 2013 г.

МИРОШНИЧЕНКО Мария Ильинична, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, Россия). Научные интересы: история женщин, гендерная история, экономическая история, история культуры России, региональная история. E-mail: mmi@susu.ac.ru

MIROSHNICHENKO Maria Ilinichna, Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of History of South Ural State University (Chelyabinsk, Russia). Research interests: history of women, gender history, economic history, history of the Russian culture, regional history. E-mail: mmi@susu.ac.ru